

А. В. Шевцов

УЧЕНИЕ М. И. КАРИНСКОГО И ЛОГИКА ОТНОШЕНИЙ С. И. ПОВАРНИНА

В статье рассматриваются аспекты и проблематика логического учения профессора Санкт-Петербургской духовной академии М. И. Каринского и связь концепции логики отношений С. И. Поварнина с его теорией. Анализируются некоторые аспекты работы М. И. Каринского «Классификация выводов» (1880), на результатах которой С. И. Поварнин построил свою логику отношений и показывал, что Каринский основывал свое логико-гносеологическое учение не на понятии «замены», а на понятии «переноса». В статье осмысливается связь теорий Каринского и Поварнина: принципиальное сходство и различия в толковании ими сущности логики и познания. На понятии «переноса» Каринский выстраивал концепцию логики как теории познания, аналогичную концепции трансцендентализма у Канта. Трансцендентальная философия Канта и его трансцендентальная логика фактически равны логическому учению Каринского.

Ключевые слова: логическое учение М. И. Каринского, классификация выводов, логика отношений С. И. Поварнина, сличение, перенесение, замещение, предикат, гносеология.

Михаил Иванович Каринский родился 4(16) ноября 1840 г. в Москве, умер 20 июля (2 августа) 1917 г., похоронен в монастыре в Вятке. Известный русский философ и логик М. А. Каринский учился в Московской духовной академии, преподавал в Санкт-Петербургской духовной академии почти 25 лет, с 1869 по 1894 г. В последней четверти XIX в., в период работы М. И. Каринского в академии, им был написан основной массив произведений. В Санкт-Петербургской духовной академии М. И. Каринский сложился как философ, ученый, логик и лектор¹. В 1880 г. он защитил в Санкт-Петербургском университете свою диссертацию «Классификация выводов».

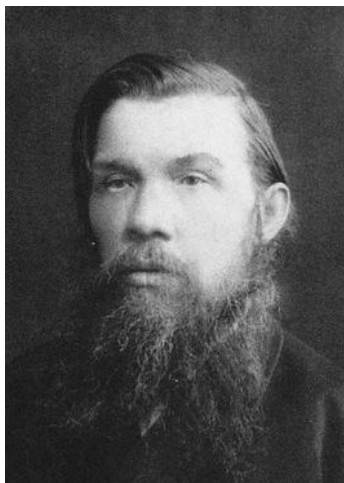
М. И. Каринский занимает особое место в преподавании истории философии и логики в СПбДА. О Каринском-ученом писали его современники, считавшие себя его учениками: Д. П. Миртов, Э. Л. Радлов²,

---

Александр Викторович Шевцов — кандидат философских наук, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (ashevzov@mail.ru).

¹ См.: *Чистович И. А.* Санкт-Петербургская Духовная Академия за последние 30 лет (1858–1888). СПб., 1889. С. 134.

² *Радлов Э. Л.* Ученая деятельность профессора М. И. Каринского // ЖМНП. 1895. № 12. С. 53–54.

Профессор
М. И. Каринский (1840–1917)

В. С. Серебренников, Алексей Ив. Введенский и многие другие. Его исследования ценили высоко, считали его тексты равными уровню философских трудов, писавшихся, например, в Германии.

В «Классификации выводов» Каринский выстраивал критику не только положений учения Канта, в частности — о пространстве и времени, но и в целом рациональной философии. Логико-гносеологическое учение Каринского, позднее дополненное им исследованием «Об истинах самоочевидных» (1893), собственно, и является его концепцией критической классификации.

Каринский написал не очень много трудов, всего порядка 22 оригинальных статей, отдельных работ и лекций, но его влияние на последующую философию и логику было огромно. Каринский предвосхищал в своих текстах многие идеи логико-гносеологических программ XX в. Так, на ряд теоретических положений гносеологических учений, уже основательно забытых к его времени, он обратил внимание, вернул их в научный оборот. Некоторые из этих идей были вскоре восприняты в философии, логике и теории познания. Он интуитивно представлял тенденции и направления в философии позитивистского направления, даже предупреждал об опасности скептического вектора для философского познания. Для него эта опасность таилась в недоверии разуму, и примером такого недоверия было, по Каринскому, развитие философии феноменологического типа.

По мысли А. И. Абрамова³, начиная с русского Средневековья (XI–XVII вв.) философская культура «сформировалась под знаком трех мощных культурно-исторических влияний: первого болгарского влияния, второго болгарского влияния и, наконец, третьего латино-польского влияния»⁴. Одной из главных идей Абрамова, которые он убедительно показывал и доказывал, явилось следующее положение: «С определенными

³ См.: Абрамов А. И. Философия в русских Духовных Академиях: изучение, преподавание, исследования // Сборник научных трудов по истории русской философии. М.: Кругъ. 2005. С. 82–117.

⁴ Там же. С. 33.

оговорками и уточнениями по отношению к русской философии вообще, и духовно-академической философии в частности, можно утверждать, что история русской философии есть история русского платонизма»⁵.

Отсюда можно предположить, что логическое и гносеологическое направление духовно-академической философии в России зарождалось отнюдь не в XIX в., но значительно ранее. Очевидно, что и характер философии М. И. Каринского был сформирован и обусловлен не одной только его стажировкой в Геттингене у Лотце в 1871–1872 гг. Но характер философии Каринского определялся именно самой природой «русского платонизма» (по удачной формулировке А. И. Абрамова), то есть более ранними влияниями, например отечественными историей, воспитанием, духовным образованием.

Из академической школы Каринский вынес фундаментальное образование в древних языках, логике, философии. Главным направлением для него постепенно становилась теория познания, в которой именно логике как основной ее части Каринский отводил в исследованиях главное место. Это было связано с общим как для богословия, так и для науки принципом: критически оценивая посылки, с помощью логики обосновывать и выводить новое знание.

В ноябре 1874 г. Каринский выступил официальным оппонентом на защите диссертации Владимира Сергеевича Соловьева «Кризис западной философии (против позитивистов)» (1873)⁶.

В начале 1870-х гг. Каринский и Соловьев входили в учредительский совет Петербургского философского общества, которое, однако, тогда в Петербурге не было создано по соображениям нежелательности, как это видел тогдашний министр просвещения Д. А. Толстой⁷. В Москве учредителям удалось в 1874 г. создать Общество, однако в связи с тем, что психологию тогда рассматривали в качестве разновидности теории познания, в Москве философское общество получило название «Психологическое общество». В него входили и участвовали в его заседаниях многие ученые России, а также и приглашенные западноевропейские мыслители. Начал издаваться журнал «Вопросы философии и психологии», на страницах которого четырежды публиковался полный список участников московского общества, с 1889 по 1899 гг.

---

⁵ Там же. С. 34.

⁶ См.: Соловьев В. С. Кризис западной философии (против позитивистов) // Он же. Собрание сочинений: в 15 т. М., 1992. (Репринт 1873–1877 гг.). Т. 1.

⁷ См.: Лукьянов С. М. О Вл. Соловьеве в его молодые годы. Материалы биографии: в 3 т. Пг., 1918. Т. 2. С. 1–42.

В 1874 г. В. С. Соловьев и М. И. Каринский выступили претендентами на занятие кафедры истории философии Московского университета, но в силу некоторых обстоятельств на эту должность было решено пригласить профессора Варшавского университета М. М. Троицкого. Владимир Сергеевич Соловьев всегда очень хорошо и с глубоким почтением отзывался о проф. М. И. Каринском как о крупном специалисте в области истории философии, знатоке античности и древних языков.

Каринский, что было характерно для того времени, еще не отделял философскую теорию познания от психологии (когнитологии), традиционно понимавшейся тогда как учение о восприятии, с одной стороны, и от логики — с другой стороны. Но стремление к достоверности познания он считал как раз делом логики.

Анализ диссертации Соловьева и статьи Каринского «К вопросу о позитивизме» (1875)⁸ показывает близость их позиций в отношении к позитивизму, но и различие понимания ими существа данного направления в философии. Каринский, например, рассматривал «позитивизм» как некоторую редакцию скептицизма в философии, все-таки отвергавшего уверенность в достоверности опыта. В частности, Каринский полагал, что сомнения в достоверности восприятия явлений объективного мира могли привести и приводили к различным допущениям, когда вместо привычных понятий вводились новые, а отсюда и их новые смыслы и значения. А это приводило, в свою очередь, к умножению сущностей, то есть к излишнему напластованию смыслов.

Поэтому Каринский всячески избегал введения в научный оборот слов «феномен», «феноменальное», упорно используя «явление», «явленности». Вообще, позитивные тенденции в философии Каринский называл по-разному, например «скептицизм в философии», позднее — «новый эмпиризм» (в статье «Разногласие в школе нового эмпиризма по вопросу об истинах самоочевидных», 1914)⁹. Характерно и то, что Каринский, понимая сферу логического строго, не допускал смешения с логикой и привнесения в гносеологию психического¹⁰.

Хотя М. И. Каринский написал не очень много работ, но они все, вкуче с лекциями профессора, оказали существенное влияние на его

---

⁸ Каринский М. И. К вопросу о позитивизме // Православное обозрение. 1875. № 10 (Окт.). С. 29.

⁹ См.: Каринский М. И. Разногласие в школе нового эмпиризма по вопросу об истинах самоочевидных. Пг., 1914.

¹⁰ Там же. С. 21.

современников: об этом писали его ученики Радлов, Миртов, Серебряников и другие. Слушатели Каринского утверждали, что он был увлечен предметом лекций, воодушевлял, заставлял думать и побуждал мысль к открытию нового. В этом смысле русский философ напоминал немецкого мыслителя, у которого учился в Геттингенском университете и у которого, вне всякого сомнения, много перенял, — лейбницеанца Германа Лотце¹¹. В 1871/72 учебном году Каринский слушал в университете Геттингена лекции Лотце по метафизике и логике¹².

В определенном смысле М. И. Каринский под влиянием философского мира Лотце через Лейбница восходил к Платоновской философии действительности идей. Более тщательному разбору и анализу философии Лейбница была посвящена работа, которую продолжил сын М. И. Каринского Владимир Михайлович Каринский¹³. Концепция В. М. Каринского «о врожденности необходимых идей (истин)» была близкой учению о самоочевидных истинах М. И. Каринского, которая, в свою очередь, в этом ракурсе также восходила к Лейбницу.

Вместе с тем, и это признавали как немецкие ученые, так и русские философы, тот общий дух, который был задан лекциями Германа Лотце¹⁴, — а именно особое восприятие Платона, платоновской мысли, — встречался впоследствии у многих слушателей Лотце. Реконструкции идеального мира, вопросы божественной сущности, теогонии приводили и Лотце, и Лейбница к миру философии Платона как к наиболее очевидному и поэтому аподиктическому философскому выражению богопознания. В платонизме видение мира вещей как зеркального отображения мира идей привело к оформлению особой логики (как онтологического закона), которую можно назвать действительной, или естественной, логикой. При этом как сами вещи с их существованием, так и их, вещей, отображения в логических формулировках представлялись также действительными.

¹¹ Герман Лотце (1817–1881) — немецкий философ, врач и естествоиспытатель. Из задуманных трех частей описания устройства мироздания Лотце написал только две части: «Микрокосм» (Bd. 1–3, 1856–1864, рус. пер. Е. Корша, ч. 1–3, 1866–1867) и «Система философии» (“System der Philosophie”, 1874–1879), третья часть должна была быть о системе логики. В философии Лотце развивал идеи объективного идеализма, близкие учению о монадах Лейбница.

¹² Каринский М. И. Критический обзор состояния современной германской философии. СПб., 1873. С. 194.

¹³ См.: Каринский В. М. Умозрительное знание в философской системе Лейбница // Записки Санкт-Петербургского университета. СПб., 1912. Ч. 109.

¹⁴ Лотце Г. Микрокосм. Опыт антропологии: в 3 т. М., 1867.

Теорию логики М. И. Каринский изложил в исследовании логического вывода, в своем главном труде по логике — диссертации «Классификация выводов»¹⁵ (1880), которую он успешно защитил в Санкт-Петербургском университете. Каринский выделил и рассмотрел основные типы вывода — дедукцию и индукцию, силлогизм, а также показывал их взаимный переход. Отметим также, что к учению о выводе у Каринского вплотную примыкало его учение о самоочевидных истинах (1893)¹⁶.

Теория познания у Каринского, как представителя духовно-академической школы философствования, наследовала традицию, заложенную еще воззрениями профессора В. Д. Кудрявцева-Платонова: стремление философски осмыслить христианство¹⁷, точнее — «переработать в духе православия современную ему западноевропейскую философию». Поэтому, очевидно, это была линия на желание «воцерковить» европейскую философию, что, как справедливо отметила И. В. Цвык, было опосредованным влиянием «на Кудрявцева-Платонова учения Гегеля об Абсолютной идее, несмотря на его (Кудрявцева-Платонова) жесткую критику пантеизма и диалектики Гегеля»¹⁸.

Сергей Иннокентьевич Поварнин для отечественной логической науки олицетворял преемственность, переход от дореволюционной логики и философии к науке советского времени. Поварнин родился в городе Брест-Литовске 11 сентября 1870 г., умер 3 марта 1952 г. в Ленинграде. С. И. Поварнин работал в Санкт-Петербургском университете, после революции был уволен по идеологическим соображениям. Когда, согласно знаменитому постановлению от 1943 г., возобновилось преподавание логики в университетах, вузах и школах, то именно Поварнину как логику дореволюционной поры было поручено подготовить программу. Поварнина пригласили тогда из Ленинграда, и он некоторое время читал курс логики в МГУ на философском факультете. В 1944 г. Поварнина пригласили на кафедру логики в Ленинградском университете¹⁹. Поварнин опирался на теорию Каринского и развивал ее.

---

¹⁵ Каринский М. И. Классификация выводов // Избранные труды русских логиков XIX века. М., 1956. С. 3–178.

¹⁶ Каринский М. И. Об истинах самоочевидных. СПб., 1893.

¹⁷ См.: Цвык И. В. Духовно-академическая философия в России XIX в. М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 78.

¹⁸ Там же. С. 78–79.

¹⁹ Бирюков Б. В. Трудные времена философии. Отечественные логика, история и философия в последние сталинские годы. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. Ч. 1. С. 35–36; 42–44.

На сегодня вышел первый том сочинений С. И. Поварнина, подготовленный в Институте философии в Санкт-Петербургском университете под редакцией Л. Г. Тоноян, В. И. Кобзаря и Т. Е. Сохор²⁰. Этот фундаментальный том включает практически все работы Поварнина по логике, издание снабжено исчерпывающими комментариями, приложениями и вступительной статьей.

В логическом учении С. И. Поварнина особо подчеркивался момент, что «все виды теорий умозаключения, построенные на логических отношениях между понятиями подлежащего и сказуемого, не пригодны для объяснения рассматриваемых нами умозаключений»²¹. Поварнин изложил и критически повторил ряд выводов учения Каринского, творчески переосмыслил его результаты. Так, например, Сергей Иннокентьевич относил теорию Каринского к тем логическим теориям, «которые толкуют суждения, как выражения не логических, а вещественных „реальных“ отношений между понятиями или между мыслимыми предметами»²². Поэтому Поварнин, основываясь на логике высказываний Каринского, далее пришел к логике отношений. Логика отношений между логическими субъектами, по Поварнину, есть логика отношений между подлежащим и сказуемым. Это соответствовало отношениям действительности и, по мысли Поварнина, являлось дальнейшим развитием логики Каринского.

Очевидно, что под влиянием Поварнина, высоко ценившим концепцию Каринского и рассматривавшим в качестве ее продолжения логику Рутковского²³, в 1956 г. труды этих русских логиков были переизданы под одной обложкой под редакцией П. В. Таванца²⁴.

Однако отметим, что Поварнин использовал не термины «субъекта» и «предикатов», как Каринский, но толкуемые практически аналогично им «подлежащего» и «сказуемого». Использование этого варианта терминологии, «подлежащее» и «сказуемое», с одной стороны, обновляло модель теории вывода Каринского, а с другой стороны — подчеркивало

---

²⁰ См.: Поварнин С. И. Сочинения. СПб.: Институт иностранных языков, 2015.

²¹ Поварнин С. И. Логика отношений, ее сущность и значение. Пг.: Изд-во О. В. Богдановой, 1917. С. 33.

²² Там же.

²³ См.: Рутковский Л. В. Критика методов индуктивного доказательства // Избранные труды русских логиков XIX века. М., 1956. С. 193–264.

²⁴ См.: Кондаков Н. И. Выдающиеся произведения русской логической науки XIX века // Избранные труды русских логиков XIX века. М., 1956. С. 347–387.

С. И. Поварнин
(1870–1952)

смысловой акцент Поварнина, сделанный им на проблеме отношений между суждениями. Причем отношения между подлежащим и сказуемым представляют собой у Поварнина отношения действительного мира, которые осознаются человеком и осуществляются в речи.

Поварнин заключал, что самой простой и принятой формой из теорий такого вида будет теория атрибутивного отношения между подлежащим и сказуемым. За поддержкой своего построения теории логического отношения Поварнин, кроме Каринского, обратился также к концепции логики Венна. Венн, согласно Поварнину, считал,

что модель логики отношений является: «наиболее естественной, „первичной“ теорией, „обусловленной обычными потребностями человечества“, в которой применяется „простой и естественный метод утверждения или отрицания атрибутов по отношению к субъекту“, то есть целому субъекту или его части: отсюда естественно вытекают четыре формы суждений — общие, частные, утвердительные, отрицательные суждения»²⁵. Поварнин подчеркнул, что сам Венн отмечал простоту и естественность логики отношений. Кроме Венна, подобное толкование суждения, по Поварнину, встречалось также у Милля, в его «Системе логики». Аналогичный путь проделал до Поварнина М. И. Каринский — он также писал о ряде предшественников своей критической классификации выводов, например о Джевонсе, Спенсере, Милле.

Поварнин справедливо отметил заслуги Каринского, которому удалось «интересная и богатая важными мыслями и замечаниями попытка реформировать обычную теорию умозаключений, исходя из атрибутивного толкования суждений и, можно сказать, вопреки ему... и который ставит одной из задач логики построение теории, объясняющей все известные нам умозаключения»²⁶. Поварнин, подчеркивая общую близость оснований теории умозаключений Каринского и Джевонса, заметил,

²⁵ См. ссылку Поварнина на Венна: *Venn, J. Symbolic Logic*. II ed. 1894. s. 3 // Поварнин С. И. Логика отношений, ее сущность и значение. Пг.: Изд-во О. В. Богдановой, 1917. С. 33.

²⁶ Поварнин С. И. Логика отношений, ее сущность и значение... С. 34.

что у обоих логиков в основу был положен «принцип тождества — все, что верно об одной вещи, верно и о другой, ей тождественной»²⁷.

Поварнин отмечал также и существенную разницу теории вывода Каринского от учения Дживонса. Так, например, он писал, что у Дживонса принцип тождества предполагал также и вольное обращение с посылками: если посылки тождественны, то, по Дживонсу²⁸, было возможно провести операцию замещения. Но в этом случае не учитывались значения посылок. Таким образом, Каринский увидел неточность теории Дживонса, происходящую из утверждения операции «замещения» при тождестве посылок. Каринский обратил внимание на то, что следовавшее из понимания «замещения» δX приращение указывало на отличие значений исходного и того, которое будет после этой операции. Например, в строго усматриваемой разнице двух посылок пусть даже на бесконечно малую величину все это не позволяет говорить о полном тождестве заменяемых значений. Поэтому строго проведенная операция замещения быть не может.

Следовательно, сделал заключение Поварнин, по Каринскому, из принципа тождества еще не следовало замещение одного признака другим, но почти тем же самым — то есть, поэтому, не тем же самым. Отсюда следовало «нечто иное: именно, возможность „переносить“ определения с одного предмета на другой, с ним тождественный»²⁹, то есть только сходный с ним. Далее Поварнин цитировал Каринского: «Предметы нашей мысли только в самых исключительных случаях составляют нечто неделимое». Обыкновенно это «группы» предметов, соединяемых нами в мысли или на основании сходства между ними, или на основании «какого-либо реального, совершившегося на деле или только представляющегося возможным соединения между ними»³⁰. Здесь Поварнин совершенно верно определил самую суть логического учения Каринского.

Теоретическим ядром логического учения М. И. Каринского является учение об агрегате и о группе³¹. Умозаключение от группы к логическому агрегату вообще характеризовало «платоновский» подход Каринского

---

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Дживонс У. С. Основы науки: Трактат о логике и научном методе. М., 2011.

²⁹ Поварнин С. И. Логика отношений, ее сущность и значение... С. 34.

³⁰ Там же. С. 35.

³¹ См.: Шевцов А. В. Философские воззрения М. И. Каринского // Христианское чтение. 2015. № 3. С. 44–67.

в академической философии. В согласии с таким подходом становится понятнее и процесс взаимопревращения идей в вещи. И обратно, «очевидное» знание за вещами соответствующих идей, так же действительных, как и сами вещи, или их эйдосы — прообразы вещей (Платон). Поэтому отсюда следует, что концепция Каринского о логическом агрегате и группе, по крайней мере отчасти, восходила непосредственно к философии Платона.

Поварнин сделал еще один интересный вывод, который он привел в примечаниях: «с этим понятием „группы“, делящимся на два вида, — классы и агрегаты, М. И. Каринский приближается к играющему столь значительную роль в новой математике *понятию „многообразия“ („множества“, „комплекса“)*. Это широкое понятие, несомненно, должно стать одной из основ новой логики»³². Поварнин, таким образом, достаточно осторожно, в примечаниях, указал на еще одну перспективу разработки логического учения М. И. Каринского — как предвосхищавшего некоторые принципиальные идеи математической логики.

Точнее, здесь можно было говорить даже не столько о «перенесении» вместо «замещения», как у Каринского, сколько о перспективе приложения этой операции в математической логике, и утверждать о некотором «заполнении», «наполнении», «подборе» до «полноты». Но, очевидно, в этом моменте неизбежно возникнет смысловое пересечение не только с Платоном, но и с Аристотелем.

Например, как писал А. Ф. Лосев, определенную трудность, с которой столкнулся Аристотель по проблеме «энтелехии», помог счастливо разрешить Евдокс Книдский³³, предложив идею «наполнения», «заполнения» как математического деления на бесконечно малые. «Метод исчерпывания у Евдокса есть способ слияния платоновских идей вещей с самими вещами, когда идея вещи не остается в своем изолированном существовании, но изливается в вещи как их принцип и метод, как закон их реального становления»³⁴. Возможно, это оказывалось аналогично операции аппроксимации в интегрировании объема (кривой) функции.

По мысли Лосева, Платон внес в эту теорию очень важный принцип исчерпывания, который и был больше всего выражен у Евдокса. По сути, Евдокс, занимая промежуточное (между Платоном и Аристотелем) положение в Академии, концепцией обобщенного эмпиризма выдвинул

---

³² Поварнин С. И. Логика отношений, ее сущность и значение... С. 25, примеч.

³³ Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Аристотель. Жизнь и смысл. М., 1982. С. 130.

³⁴ Там же. С. 128–129.

идею исчерпывания как попытку обоснования процесса понимания вещей в их текучести и многообразии посредством внесения в этот текучий, подвижный процесс неподвижного эйдоса — неизменчивой идеи. Только при сличении неподвижной идеи с потоком изменчивости начинается процесс дробления до бесконечно малых — это и есть метод исчерпывания Евдокса. А. Ф. Лосев прямо указал, что именно Евдокс Книдский оживил платоновскую идею, трактуя ее как принцип эмпирического существования вещей, и указал также, «что и Аристотель укрепил и утвердил принцип вещественного дробления, или исчерпывания, как необходимый закон для познания эмпирической действительности вообще»³⁵.

Таким образом, имеем, что Каринский в своем критическом анализе процессов вывода отказался от «замещения» в пользу «перенесения», так как при замещении меняются местами сущности — как в замене одного предмета другим, но похожим. Понятие «перенесения» обладает, помимо собственно «переносимости», еще и смыслом сравнения (у Каринского сличения). В этом случае сравниваются атрибуты сопоставляемых предметов, но не сами сущности, при этом наблюдатель полагает, что сами бытийные сущности остаются неподвижными, поэтому оказывается возможным совершить мысленный перенос атрибутов, или признаков, сравниваемых предметов. Кстати, данным процессом логически подтверждается не только экстраполяция атрибутивных значений, но и еще одна работа, которую совершает мышление. Эта работа операции мышления, производящаяся вместе или вслед за «перенесением» при сравнении предметов, сама оказывается направленной на оптимальный подбор атрибутивных значений. В данном случае оптимизирующая операция подбора смысловых содержаний (значений) оказывается операцией замещения, но только значений по атрибутам. Она оказывается функцией подбора, оптимизирующей смысловые значения.

Действительно мыслительный процесс протекает как логический объективный процесс, умозаключающий от группы к агрегату и обратно. В таком процессе выполняются акты сопоставления «сличаемых» предметов, их «дополнения», их подборов до соответствующей тождественности и так далее.

Поварнин в своем анализе теории Каринского подчеркивал ту особенность его построений, что операция перенесения «атрибута с одного

---

³⁵ Там же. С. 133.

предмета на другой становится „перенесением сказуемого“ с одного подлежащего на другое»³⁶. Поэтому, по мысли Поварнина, здесь необходимо отличать соотношения формул в логике Каринского — подлежащее–сказуемое с отождествлением «предмета» в суждении с подлежащим. То есть Каринский старался представить существо мышления как можно точнее и ближе к реальному положению. Простое, автоматическое отождествление атрибута со сказуемым, вместо традиционной формулы субъект–предикат, требовало пояснений. И Каринский постарался дать свои пояснения к описанию данной логической проблемы. Поварнин отчетливо указывал на особенность, связанную с отказом Каринского от понятия «замещения» и принятием им понятия «перенесения».

Особенность построений М. И. Каринского заключалась в том, что «в „замещении“ тождественное заменяется тождественным, а при „перенесении“ наоборот: различные элементы заменяют друг друга; тождество остальных элементов „дает право“ на такую замену»³⁷. То есть тождество «остающихся» и не-заменяемых элементов дает право на перенесение сравниваемых элементов.

Таким образом, Поварнин совершенно четко выделял в анализе логики умозаключений сделанное Каринским подразделение, что, кроме типов умозаключений на основе сличения подлежащих и тождества между ними, присутствует также еще один важный тип умозаключения — на основании сличения сказуемых и тождества между ними. Вот в этом втором типе умозаключений, то есть по типу сличения сказуемых и тождества между ними, Каринский и применил механизм своей концепции логического «агрегата». То есть при выполнении умозаключения по предикатам из множеств сличаемых агрегатов значений (групп признаков) в восприятии сознания как бы пробегают все значения, но только при тождественных — они отбираются сознанием. Или, иными словами, либо «лишние» признаки сознанием отнимаются вовсе, как не попавшие в агрегат, либо «обрезаются» до априори установленной выборки значений. Например, при сравнении нескольких деревьев можно сравнивать их по форме крон, по форме листьев, либо сравнивая с имеющимися представлениями о том, что в данной местности наличествуют только хвойные леса, либо по тому факту, что раньше здесь произрастали березы (в этом случае сравнение происходит по вымышленному представлению о березовой роще).

---

³⁶ Поварнин С. И. Логика отношений, ее сущность и значение... С. 36.

³⁷ Там же.

Например, если подлежащие (или субъекты предмета) A и B обладают своим рядом значений сказуемых, соответственно, $a_1, a_2, a_3 \dots a_{(n+1)}$ и $b_1, b_2, b_3 \dots b_{(n+1)}$, а при сличении этих значений получается $a_1 = b_2, a_8 = b_2, a_3 = b_3$, то в результате сличения в «переносе» получается, что выбирается только ограниченное количество значений, и тогда будет умозаключение (как агрегат) A_n и B_m , где n и m будут уже выделенными значениями по тождеству, характерными обоим сличаемым сказуемым, как правило, меньше либо равному количеству (объему) значений некоторых $a(i)$ и $b(i)$. Причем при сличении выборка в процессе мышления происходит по ограниченным объемам значений; эти ограниченные объемы будут отражать результирующее пересечение объемов значений, берущихся по подобию, то есть как агрегаты от групп всех возможных значений, по Каринскому.

Предположим, что имеется два действительных предмета, все характеристики (логические значения) которых берутся не целиком, а выбираются только некоторые из них, по которым и происходит сличение. В этом аспекте будет возможно выборку значений представить как агрегат от группы; на основе этого агрегата — получать представление обо всей группе значений. Таким образом, здесь логическая закономерность допускает перенесение на всю группу: агрегат отдельных значений (смыслов) переносится в мышлении на всю группу значений (смыслов). Например, видимые нам грани кубика дают (образуют) в мышлении и остальные грани.

Логика «перенесения», как она представлена у самого Каринского и толковалась Поварниным, близка также вышеупомянутым идеям дробления и методу исчерпывания Евдокса Книдского и Аристотеля, которые использовали этот метод для обоснования эмпирической действительности. У Каринского к логике примыкало учение о самоочевидных истинах, которое в отношении действительности опирается именно на счислимость, на арифметику, вообще на *mathesis universalis*. Поэтому концепцию логики Каринского справедливо считают началом построения специальной теории, алгебры логики, сближая ее с направлением логик Девонса и Гильберта. По крайней мере, мы предполагаем предвосхищение Каринским идей неклассической логики.

Поварнин, словно в подкрепление этого предположения, критически исследуя теорию вывода Каринского, совершенно отчетливо отметил, что в вопросе тождества двух посылок Каринский предложил решение, которое получалось исходя не из статичной логической конструкции,

а напротив, выстраивалось с учетом времени и пространства, то есть из одновременности и совместности событий.

Например, Поварнин показывал, что в выводе согласно Каринскому речь идет не по следующей логической формуле: если из посылки *A* следует *B*, а *B* тождественно *C*, то *A* тождественно *C*. Напротив, Поварнин приводит пример Каринского, что «если Кевес и Симмиас были современниками Сократа, а Филолай был современником Кевеса и Симмиаса, то, значит, он был современником Сократа»³⁸. Таким образом, речь идет об одновременности наступления событий. Но «здесь посылки только *кажутся* суждениями *о лицах*; между тем, на самом деле, это суждение *о времени лиц*»³⁹.

Однако в данных посылках проявляется наш интерес к реально существовавшим лицам, а логическая форма отсылает нас в первую очередь к моменту времени. В сознании только как бы «на втором плане» видны люди — Сократ, Кевес, Симмиас и Филолай. Поварнин обратил внимание, что, по Каринскому, а у него это также было отмечено, в логических формах речи «подобное умозаключение, „рассматриваемое“ с его „логической стороны“, основывается „на отождествлении определенных периодов времени“»⁴⁰.

Поварнин обратился к важнейшей идее Каринского в учении о выводе — идее об относительности следования логического вывода. Эта проблема рассматривалась Каринским в, так сказать, одномоментном контексте времени и места в пространстве. Поэтому фактически сам перенос предиката (свойства) от одного предмета на другой предмет возможен только при наличии в суждении условия этой тождественности.

Два предмета будут подобны, если допустить отличие одного от другого на некоторую известную величину: к «квадратности» двух различных по площади геометрических фигур, а, следовательно, их тождественности можно прийти, только если учесть, что эти фигуры станут полностью тождественны лишь в том случае, если предположить уравнивание длин их

---

³⁸ Там же. С. 37.

³⁹ Там же. С. 37–38. Здесь С. И. Поварнин привел пример Каринского, но оговорился, что у самого М. И. Каринского этот пример более сложен и громоздок: «Кевес и Симмиас, говорим мы, были младшими современниками Сократа, Филолай, по-видимому, был старшим современником их, а поэтому он должен был быть приблизительно современником Сократа». См.: *Каринский М. И.* Классификация выводов // *Избранные труды русских логиков XIX века*. М., 1956. С. 67.

⁴⁰ *Поварнин С. И.* Логика отношений, ее сущность и значение... С. 38; *Каринский М. И.* Классификация выводов...

сторон. Аналогично будет и в случае сравнения цветов двух различных яблок: к примеру, если к бледному красному цвету второго яблока добавить насыщенность, текстуру, то получим такой же по глубине и оттенку красный цвет, как и у первого яблока. То есть предмет *A* может быть равным предмету *B*, если бы от него была отнята некоторая неопределенная величина ΔX , на которую он и отличается от предмета *B*. Это условие никак не умаляет общую возможность их сравнения и отождествления, пусть и по другим основаниям. Например, яблоки можно сравнивать и не по цвету, а по их принадлежности к классу плодов яблони.

Поварнин показал проблему отношения, прибегая к логическому учению о выводе, и доказал, что уже у Каринского эта тема имела место. Поварнин вслед за Каринским доказывал, что за логическим тождеством, не противореча ему, а дополняя это тождество, находится проблема реального тождества, точнее — возможности действительного сравнения (до совпадения на некоторую неопределенную величину). Поварнин писал, что, по Каринскому, условное суждение, или условный вывод, получаемый «из умозаключения, можно превратить в безусловное суждение на основании непосредственной очевидности»⁴¹, поэтому к классификации выводов учения Каринского добавлялось учение о самоочевидных истинах. Поэтому также выводы на основании современности и совместности предметов будут выводами на основании реального тождества.

Тема о самодостоверных истинах как объективном доказательстве существования окружающей действительности, как справедливо заключила И. В. Цвык, «имела принципиальное значение для духовно-академической философии»⁴². Пример творчества М. И. Каринского только подчеркивает вывод Цвык о том, что «философские интерпретации академистов не являются следствием механической экстраполяции западноевропейских учений... но они отражали как свойственные русской философии в целом черты, так и традиционно-православные установки»⁴³. Этим объяснялся во многом интерес Каринского к научно-философскому осмыслению действительности, для которого главным инструментом познания он видел логику. Логическое учение выстраивалось Каринским онтологически, для него здесь главным проверочным критерием было учение о самодостоверной истине⁴⁴.

---

⁴¹ Поварнин С. И. Логика отношений, ее сущность и значение... С. 39.

⁴² Цвык И. В. Духовно-академическая философия в России XIX в... С. 268.

⁴³ Там же. С. 312.

⁴⁴ См.: Каринский М. И. Об истинах самоочевидных...

Очевидно также, что логические выводы делаются в реальном процессе мышления, и операции сравнения «сличения», если не оговаривается иное, берутся как «эн тюме» (древнегреч. «в уме», в «энтимеме») у Аристотеля. Отсюда возникает вопрос, почему Каринский не осветил проблему энтимемы Аристотеля применительно к этой части своего учения о выводах.

С. И. Поварнин отметил определенную громоздкость и искусственность объяснений Каринского, однако задачу, которую ставил себе, например, Дживонс, М. И. Каринский выполнил⁴⁵. Хотя в заключении Поварнин и указывал на то, что Каринский доказывал возможность сведения суждения о временных и пространственных отношениях к умозаключениям тождества, однако он не прояснил в этой работе важность и место концепции агрегата в теории вывода М. И. Каринского. Временной и пространственный аспекты в отношении субъекта и предикатов играют определяющую роль не столько в логическом выводе, сколько в оценке реального взаимоотношения между действительными вещами.

Концепция логики отношений, развитая Поварниным на материале «Классификации выводов» Каринского, приобрела не только логическое содержание, но и реальное отражение работы мышления по «сличению», сравниванию и доведению до тождества предметов познания: например, относительно времени и места.

Понятие «классификации выводов» обозначает центральную концепцию логического учения М. И. Каринского, которая задумывалась им как критическая теория мышления. Теория классификации выводов, по сути, является трансцендентальным анализом природы рационализма. В этом смысле трансцендентализм Каринского сближался с трансцендентализмом Канта⁴⁶. Поэтому теорию М. И. Каринского также можно именовать классификацией выводов, или просто классификацией, имея в виду фундаментально построенную русским мыслителем теорию о природе разума и познания. О Каринском и о значении его работы «Об истинах самоочевидных» (1893), посвященной исследованию философии Канта, уже в 1894 г. написал статью В. С. Серебренников⁴⁷.

---

⁴⁵ Поварнин С. И. Логика отношений, ее сущность и значение... С. 40.

⁴⁶ Кант И. Критика чистого разума // Он же. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 136–142; 680–693.

⁴⁷ См.: Серебренников В. С. Новая книга о философии Канта (О Каринском и его теории) // Вопросы философии и психологии. 1894. № 23. Май. С. 409–423.

Труд М. И. Каринского «Классификация выводов» высоко ценится и в XX в. — как первое самостоятельное исследование по логике в России. Так, например, на теорию умозаключений Каринского опирался в своем учебнике по логике Валентин Фердинандович Асмус (1947)⁴⁸. Учебник по логике Асмуса соединял школу философии и логики дореволюционного времени и философию советского периода. Асмус в своей книге сохранял и развивал традиции отечественной логической школы, опираясь на идеи Каринского и Поварнина.

Таким образом, идеи М. И. Каринского, выработанные в Санкт-Петербургской духовной академии, во многом благодаря трудам С. И. Поварнина, повлияли на развитие логики в СССР. В качестве центральных моментов логико-гносеологического учения М. И. Каринского отметим такие его идеи, как строго проведенную классификацию выводов, подробное рассмотрение дедукции и индукции, силлогизма. Несомненная заслуга Каринского в подробной разработке теории умозаключений по агрегату от группы и обосновании приоритета концепции «переноса» перед «замещением» при сличении сопоставляемых объектов. К одной из главных идей Каринского относится и предвосхищение роли математики в символической логике, в частности, идей алгебры логики, принципа счислимости. В логико-гносеологической концепции М. И. Каринского обнаруживаются и идеи неклассической логики. В этом отношении не будет преувеличением сказать, что Поварнин не просто транслировал идеи Каринского из XIX в. в XX в., но и, творчески переосмысливая учение Каринского, дополнил его современными разработками в логике и теории познания, а также показал преемственность дореволюционной школы логики в становлении советской логики и науки.

---

⁴⁸ Асмус В. Ф. Логика. Учебник. М., 2010. С. 3; 147–193.

Источники и литература

1. *Абрамов А.И.* Сборник научных трудов по истории русской философии / сост., подгот. текста, предисл. В. В. Сербиненко. М.: Кругъ, 2005. 544 с.
2. *Асмус В. Ф.* Логика: Учебник. Изд. 3-е. М., 2010. 392 с.
3. *Бажанов В. А.* История логики в России и СССР (Концептуальный контекст университетской философии). М.: Канон+, 2007. 336 с.
4. *Бирюков Б. В.* Трудные времена философии. Отечественные логика, история и философия в последние сталинские годы. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. Ч. 1.
5. *Джевонс У. С.* Основы науки: Трактат о логике и научном методе. Изд. 2-е. М., 2011. 744 с.
6. *Кант И.* Критика чистого разума // *Он же.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3.
7. *Каринский В. М.* Умозрительное знание в философской системе Лейбница // Записки Санкт-Петербургского университета. СПб., 1912. Ч. 109. 378 с.
8. *Каринский М. И.* К вопросу о позитивизме // Православное обозрение. 1875.
9. *Каринский М. И.* Классификация выводов // Избранные труды русских логиков XIX века / ред. П. В. Таванец. М., 1956. 404 с. С. 3–178.
10. *Каринский М. И.* Критический обзор последнего периода германской философии. СПб., 1873. 333 с.
11. *Каринский М. И.* Об истинах самоочевидных. СПб., 1893.
12. *Кондаков Н. И.* Выдающиеся произведения русской логической науки XIX века // Избранные труды русских логиков XIX века / ред. П. В. Таванец. М., 1956. 404 с. С. 347–387.
13. *Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А.* Аристотель. Жизнь и смысл. М., 1982.
14. *Лотце Г.* Микрокосм. Опыт антропологии: в 3 т. / пер. Е. Корша. М., 1867. 658 с.
15. *Лукиянов С. М.* О Вл. Соловьеве в его молодые годы. Материалы биографии: в 3 т. Пг., 1916–1921.
16. *Поварнин С. И.* Логика отношений, ее сущность и значение. Пг.: Изд-во О. В. Богдановой, 1917.
17. *Поварнин С. И.* Сочинения / сост., вступит. статья, примеч. В. И. Кобзарь, Т. Е. Сохор, Л. Г. Тоноян (отв. ред.). СПб.: Институт иностранных языков, 2015. 800 с.
18. *Радлов Э. Л.* Ученая деятельность профессора М. И. Каринского // ЖМНП. 1895. № 12.
19. *Рутковский Л. В.* Критика методов индуктивного доказательства // Избранные труды русских логиков XIX века / ред. П. В. Таванец. М., 1956. 404 с. С. 193–264.
20. *Серебренников В. С.* Новая книга о философии Канта (О Каринском и его теории) // Вопросы философии и психологии. 1894. № 23. Май. С. 409–423.

21. Соловьев В. С. Кризис западной философии (против позитивистов) // *Он же. Собрание сочинений*: в 15 тт. / под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. М., 1992. (Репринт 1873–1877 гг.). Т. 1. 406 с.

22. Чистович И. А. Санкт-Петербургская Духовная Академия за последние 30 лет (1858–1888). СПб., 1889.

23. Цвык И. В. Духовно-академическая философия в России XIX в. М.: Изд-во РУДН, 2002. 333 с.

24. Шевцов А. В. Философские воззрения М. И. Каринского // *Христианское чтение*. 2015. № 3. С. 44–67.

Aleksandr Shevtsov. The Teachings of M. Karinsky and the Logic of Relations of S. Povarnin.

In the article shows the problematic of the buildings logic and self-evident truth as a direction of the logical-philosophical area. So the work “The classification of conclusions” presented by professor of Saint-Petersburg spiritual academy Michael I. Karinsky was one of the origin works on the logic. That was used Sergej I. Povarnine by critically building and rebuilding for his owner theory of logic of relations. In the article are looking for connecting concepts of translation, relation, thinking by Karinsky not as a rotation. Here do to thinking and are showing connect of the main concepts of Karinsky to the spiritual-academic school of the philosophy. Also here talking about of the comparative analyses of philosophy of Karinsky and Povarnine on the logical-epistemological bases. On concept of “transfer” Karinsky is building a logical investigation as one of theories of knowledge similar to the concept of a transcendentalism of Kant. The transcendental philosophy of Kant and his transcendental logic are actually equal to the logical doctrine of Karinsky.

Keywords: M. I. Karinsky, S. I. Povarnine, classifications of conclusions, the logic of relations, logic, subject, predicate, translation, rotation, epistemology.

Aleksandr Viktorovich Shevtsov – Candidate of Philosophy, Moscow Aviation Institute (National Research University) (ashevzov@mail.ru).